

ЭНИИ УЭСТ

ПОМИРИМСЯ...
У АЛТАРЯ?

Энни Уэст
Помиримся... у алтаря?
Серия «Любовный роман
– Harlequin», книга 715

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24505464

Уэст Энни. Помиримся... у алтаря?: роман / Пер. с англ. Л. В. Поповой:

Центрполиграф; Москва; 2017

ISBN 978-5-227-07471-3

Аннотация

Успешному бизнесмену и аристократу Джонасу Девесону в детстве отчаянно не хватало родительской любви, и всю свою сознательную жизнь он мечтает о собственной идеальной семье: красавица жена из хорошей семьи, дети, домашние животные. Только у судьбы своеобразное чувство юмора: Джонас влюбляется в Равенну, которая совершенно не соответствует его воображаемому идеалу. К тому же она – дочь женщины, которую он косвенно винит в смерти своей матери.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Энни Уэст

Помирился... у алтаря?

Annie West

An Enticing Debt to Pay

©2013 by Annie West

© «Центрполиграф», 2017

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Глава 1

– Боюсь, что последняя аудиторская проверка выявила некоторые... расхождения.

Джонас посмотрел на свой широкий письменный стол и нахмурился, глядя, как заерзал под его взглядом финансовый директор. Какие расхождения могли заставить Чарльза Баркера так заметно нервничать? Он был самым лучшим, ведь Джонас нанимал только профессионалов. Ему не хватало терпения работать с отстающими. Баркер орудовал своей частью бизнеса Джонаса, как хорошо отлаженный механизм.

– И большое расхождение?

– Ну, с финансовой точки зрения не слишком. – Баркер покачал головой.

Поскольку совокупные активы компании достигли отметки в несколько миллиардов, Джонас должен был бы почувствовать облегчение, но, глядя, как Баркер ослабил узел галстука, напрягся.

– Выкладывай, Чарльз.

Чарльз постарался улыбнуться, но улыбка больше походила на болезненную гримасу, когда он повернул свой ноутбук к Джонасу.

– Вот. Две верхние строчки.

Джонас посмотрел на верхнюю строчку – перевод в несколько тысяч фунтов. Под ним еще один транш, на гораз-

до большую сумму. И все, никаких подробностей.

– Что это?

– Вывод средств с твоего инвестиционного счета.

Джонас снова нахмурился. Он использовал этот счет только для того, чтобы переводить денежные средства между инвестиционными проектами.

– Кто-то получил доступ к моему счету?

Ответ был очевиден. Джонас не снимал деньги с этого счета. Ежедневные расчеты производились с других счетов, и, хотя суммы были довольно значительными, все же недостаточные, чтобы соответствовать его обычным инвестициям.

– Мы их проследили.

Разумеется, Баркер это сделал прежде, чем предъявить эту проблему Джонасу, ведь это его работа.

– И?.. – Любопытство Джонаса возросло.

– Ты ведь помнишь, что этот счет изначально создавался как часть семейного предприятия?

Как он мог забыть об этом? Отец передал Джонасу бразды правления семейным бизнесом, сам номинально оставаясь старшим партнером. Но они оба знали, что именно благодаря таланту Джонаса в инвестировании и его всепоглощающей жажде успеха компания, едва державшаяся на плаву, превратилась в успешный инвестиционный бизнес. Они упивались успехом компании, пока пути отца и сына не разошлись.

– Я помню, – проговорил Джонас, почувствовав кисло-

тый привкус во рту от неприятных воспоминаний.

– Снятие денег было произведено с помощью старой чековой книжки, которая якобы была уничтожена. Расследование показало, что эта книжка когда-то принадлежала твоему отцу...

– Я тебя понял, – кивнул Джонас и посмотрел в окно на деловой центр Лондона.

Отец. Джонас не называл его так с самого детства, когда понял, каким человеком был Пирс Девесон. Джонаса совершенно не удивило, что старик нашел способ незаконно получить доступ к активам сына. Удивительным было то, что он не воспользовался им раньше.

– Значит, Пирс...

– Нет! – Баркер выпрямился, когда Джонас снова посмотрел на него. – Мне жаль, но у нас есть все основания полагать, что это был не твой отец. Посмотри. – Он положил перед Джонасом несколько ксерокопий.

Джонас взглянул на бумаги. Два чека с размашистой подписью отца. Только одна была не подписью Пирса Девесона. Они были достаточно похожими, чтобы обмануть незнакомца, но ему оригинальная подпись была слишком хорошо знакома, чтобы заметить подделку.

– Посмотри на даты.

Джонас взглянул и почувствовал себя так, словно получил удар под дых. Неприятно думать, что отец воровал у него деньги, но это... Джонас покачал головой.

– Второй чек датирован следующим днем после смерти твоего отца.

Джонас молча кивнул. На протяжении многих лет Пирс был темным пятном на репутации семьи. Он жил со своей новой страстью в кичливой безвкусной роскоши, щеголяя среди пользующихся сомнительной славой богачей. Они не обращали ни малейшего внимания на вред, который причиняли людям. Когда Пирс умер, Джонас не почувствовал ровным счетом ничего: ни сожаления, ни печали, ни даже облегчения. Он хотел почувствовать хоть что-то, но в течение нескольких недель в его душе не было ничего, кроме пустоты.

– Значит, это не отец, – ровным голосом проговорил Джонас, хотя кулаки его сжались.

– Нет. Мы проследили преступницу. Она оказалась не слишком умной, учитывая дату на чеке, – быстро проговорил Баркер, очевидно желая поскорее покончить с этим разговором. – Это госпожа Руджеро. Она живет... Вот ее координаты.

Баркер протянул ему листок с адресом парижской квартиры Пирса, в которой он жил со своей любовницей, Сильвией Руджеро. Джонас помедлил, пальцы его заметно дрожали.

– Значит, – Джонас откинулся на спинку кресла, – потаскуха моего отца думает, что может доить нашу семью даже после его смерти. – Его голос был полностью лишен каких-либо эмоций, хотя глубоко внутри его полыхало пламя

с трудом сдерживаемого гнева.

Неужели эта женщина действительно думала, что все сойдет ей с рук после того, что она причинила семье Девесон? Не может же она быть настолько глупа!

Он помнил Сильвию Руджеро так ясно, словно видел ее только вчера: сексуальная фигура, яркие глаза и темные волосы. «Ходячий секс», как охарактеризовал ее один из друзей Джонаса, когда Сильвия еще была экономкой в их доме. И он был прав: даже простая униформа не могла скрыть природной сексуальности этой женщины.

Всего за несколько недель отец Джонаса отвернулся от своей семьи и ответственности, сбежав с собственной экономкой и поселив ее в своей роскошной парижской квартире. Спустя четыре месяца мать Джонаса была найдена мертвой. Случайная передозировка, как сказал коронер. Но Джонас знал правду. Его мать не вынесла предательства человека, которого любила, и добровольно ушла из жизни.

Джонас сделал глубокий вдох, наполняя кислородом стесненные легкие. Женщина, повинная в смерти его матери, снова нанесла удар. И она имела наглость считать, что сможет его облапошить!

Бумага в руке Джонаса захрустела, когда он скомкал ее в кулаке. Он так сильно стиснул зубы, что заболела челюсть. Он никогда не тратил энергию на слова, потому что действия были гораздо эффективнее.

Целых шесть лет он отвергал саму мысль о мести. Он под-

нялся выше этого соблазна, похоронив себя в работе, отказавшись от любых контактов с Пирсом и его любовницей. Но сейчас... Это была та самая соломинка, которая сломала верблюду спину.

— Оставь это мне, Чарльз. — Джонас медленно улыбнулся. — Не нужно сообщать о мошенничестве. Я лично с этим разберусь.

Равенна с отчаянием осматривала квартиру. Большую часть обстановки, так хорошо ей знакомой, заменили подделки: от золоченых стульев до лиможского фарфора. Мама всегда умело сводила концы с концами, даже в трудные времена.

Невольная улыбка тронула губы Равенны. Жизнь в шикарной квартире на площади Вогезов, в одном из самых дорогих районов Парижа, вряд ли можно назвать трудной, в отличие от раннего детства Равенны, когда денег не хватало на еду и теплую одежду. Но этот опыт сыграл ее матери на руку. Когда деньги стали заканчиваться, она начала методично заменять бесценный антиквариат копиями.

Равенна шумно выдохнула. Ее мать сейчас была в Италии с друзьями, вместо того чтобы остаться здесь и справиться с последствиями смерти Пирса. Если бы только она сразу сказала Равенне о его сердечном приступе, она была бы здесь в тот же день! Даже сейчас она с трудом верила, что мать скрыла это от нее, боясь побеспокоить Равенну. Неужели для

всех матерей их дети навсегда останутся маленькими и несамостоятельными вне зависимости от того, сколько им исполнилось лет?

Равенна с трудом узнала Сильвию, приехав в Париж из Швейцарии. Впервые ее великолепная мать выглядела старше своего возраста, полностью раздавленная горем. Равенна беспокоилась за мать. Может, она сама и не была в восторге от Пирса, но Сильвия любила его.

Нет, маме лучше было уехать отсюда. Лучшее, что могла сделать Равенна, – упаковать оставшиеся вещи. Ей придется встретиться лицом к лицу с кредиторами и продать то небольшое, что осталось.

Она вернулась к описи вещей и порадовалась, что наняла эксперта, чтобы отделить оригиналы от подделок. Для самой Равенны все вещи выглядели одинаково дорогими, хоть и несколько безвкусными. Правда, ее домом была скудно обставленная студия на окраине Лондона, так что не ей судить о роскоши.

Джонас снова позвонил в дверь, гадая, дома ли Сильвия, или его импульсивная поездка в Париж была пустой тратой времени.

Он никогда не поддавался сиюминутным порывам. Он действовал методично, размеренно и логично. Но к тому же он обладал тонким чутьем, чтобы выбрать идеальное время для удара. И сейчас, всего через несколько недель по-

сле смерти Пирса, любовница его отца будет находиться под прицелом кредиторов.

Домофон зажуужал, и в динамике раздался хрипловатый женский голос:

– Да?

– Я хотел бы увидеть мадам Руджеро.

– Месье Жискар? Я ждала вас. Пожалуйста, поднимайтесь.

Джонас распахнул дверь и вошел в мраморный холл. Он проигнорировал лифт и поднялся по ступенькам на два этажа к любовному гнездышку отца. Подавив в себе отвращение, он постучал в дверь квартиры.

Равенна почти сразу распахнула дверь, и Джонас шагнул в роскошно обставленный холл мимо стройной молодой женщины. Через открытую дверь он увидел полную дорогой мебели гостиную, но не заметил присутствия женщины, из-за которой приехал сюда. Он двинулся вглубь квартиры.

– Вы не месье Жискар! – Обвинение в ее голосе остановило Джонаса.

Он обернулся и увидел глаза цвета янтарного виски, устремленные на него.

– Нет, я не Жискар.

Джонас на мгновение остановился и оглядел женщину с ног до головы с некоторым удивлением. Стройная до хрупкости, она тем не менее имела привлекательные изгибы во всех нужных местах, хотя они и были прикрыты плохо по-

догнанной черной одеждой. Но Джонаса привлекло ее лицо. Красивые полные губы, прямой нос, острые скулы, придававшие ей несколько болезненный вид. Густые темные ресницы и прямые брови обрамляли янтарные глаза, которые словно светились изнутри. Каждая черта ее лица была такой острой и резкой, что все вместе они должны были произвести отталкивающее впечатление. Но вместо этого они сливались в великолепную картину.

Эта женщина поражала. Она не была хорошенькой, скорее необычной. Джонас почувствовал, как участился его пульс. Он напрягся. Когда в последний раз женщина так на него влияла, пусть даже очень красивая?

– Тогда кто вы? – Она склонила голову набок, и Джонас перевел взгляд от ее губ к коротко стриженным каштановым волосам.

– Я ищу мадам Руджеро. Сильвию Руджеро.

Он удивился тому, каких усилий ему стоило оторвать взгляд от девушки и снова заглянуть в холл.

– Вам не назначена встреча? – Что-то новое появилось в ее голосе, какие-то жесткие, непреклонные нотки.

– Нет. – Его губы скривились в ухмылке. – Но она примет меня.

Молодая женщина сделала шаг в сторону, преграждая ему вход в гостиную. Джонас про себя отметил грациозность ее движений, хотя он тут же сказал себе, что у него совершенно нет времени, чтобы отвлекаться.

– Вы – последний, кого она захочет принять. – Она показала головой.

– Вам известно, кто я? – Его взгляд тут же стал острым как бритва.

Девушка заняла оборонительную позицию: она стояла подбоченясь, широко расставив ноги, будто действительно собиралась остановить его. Она была довольно высокой, не намного ниже его самого, и смотрела на Джонаса с полной уверенностью.

– Я не сразу вас узнала, но, конечно, я знаю вас. – Что-то изменилось в выражении ее лица, и Джонас понял, что она вовсе не так уверена в себе, как ему изначально показалось. Очень интересно.

– А вы? – Джонас привык, что его узнают по фотографиям в прессе, но инстинкты подсказывали ему, что он уже встречал эту женщину прежде.

– Очевидно, я из тех, кого легко забыть. – Едкая улыбка появилась на ее лице, и у Джонаса перехватило дыхание.

Она улыбалась вовсе не ему, а он так реагирует! Раздражение в нем росло.

– Ее здесь нет, – торопливо проговорила она, и это вступало в противоречие с ее агрессивной защитной позицией. – Так что увидеть вы ее не сможете.

– Тогда я подожду. – Джонас шагнул вперед и увидел, как мгновенно напряглась девушка.

Он думал, что она уступит ему дорогу, но она немало уди-

вила его. Но и Джонас не собирался отступить, несмотря на то что эта женщина так привлекала его. Он должен разобратся с Сильвией Руджеро. Он посмотрел в янтарные глаза девушки и заметил, как от удивления расширились у нее зрачки.

– Я не уйду, – пробормотал он, борясь с желанием протянуть руку и провести кончиками пальцев по ее бледной щеке. Он тут же мысленно одернул себя и резко сказал: – Мое дело не терпит отлагательств.

Она нервно сглотнула. Джонас проследил за движением ее шеи и уловил тонкий аромат корицы, исходящий от ее кожи. Внезапно она отступила.

– Тогда вы можете поговорить со мной. – Она повернулась и прошла в гостиную, ее шаги гулко отражались от медового цвета паркетного пола.

Джонас оторвал взгляд от ее мерно покачивающихся бедер, обругав себя за то, что постоянно на нее отвлекается. Девушка села в кресло возле окна, занавешенного золотистыми шторами, намеренно выбрав такую позицию, чтобы оказаться спиной к свету. Уловка была такой очевидной. Вместо того чтобы тоже присесть, Джонас обошел комнату, прекрасно осознавая, что напряжение возрастает с каждой минутой. Кем бы она ни была, она в сговоре с Сильвией Руджеро. Джонас не доверял ей ни на секунду.

– Почему я должен обсуждать свои дела с посторонним человеком? – произнес он, рассматривая массивные позоло-

ченные часы.

Все в этой квартире было чересчур. Этот кичливый шик нуворишей подавлял количеством, но не качеством. Его опытный взгляд сразу же выделил множество подделок, но в этом был весь его отец – сплошные действия напоказ, а внутри пустышка. Особенно когда речь заходила о таких вещах, как любовь и верность.

– Я не посторонняя, – резким голосом сказала она. – Возможно, если вы приостановите свою инвентаризацию, то наконец поймете это.

Джонас понимал, что его поведение было грубым, рассчитанным на то, чтобы заставить собеседника нервничать. Но у него не было никакого желания понравиться любовнице отца или ее подруге. Он медленно повернулся и встретился взглядом с девушкой.

– Тогда, может быть, вы будете столь любезны и ответите на вопрос: кто вы такая?

– Мне показалось, что это довольно-таки очевидно. Я Равенна, дочь Сильвии.

Равенна молча наблюдала за шокированным ее заявлением Джонасом. Пора бы привыкнуть за многие годы к такой реакции, но ей все равно было неприятно.

Она была застенчивым угловатым ребенком, и ей понадобились годы, чтобы перерасти это. С необычными чертами лица, экзотическим именем и хрипловатым голосом она вы-

глядела странной и чужой в английских школах. Когда люди видели ее рядом с матерью, по праву считавшейся красавицей, самыми добрыми комментариями относительно ее внешности были «необычная» и «бросающаяся в глаза». Самые же нелестные отзывы в свой адрес Равенна слышала в школе-интернате, в который ее отправила мать, но она предпочитала не вспоминать об этом.

Она думала, что Джонас вспомнит ее, хотя на момент их последней встречи она носила брекеты. Правда, и ей понадобилось несколько минут, чтобы узнать его. Трудно было узнать в этом элегантном молодом мужчине, одетом в строгий костюм, мрачного бунтаря, который так по-доброму отнесся к ней когда-то, увидев ее, заплаканную, возле конюшен. Тогда он был более мягким, более понимающим. Тогда, в подростковом возрасте, он казался ей сияющим рыцарем, красивым и сексуальным, как киноактер.

Кто же знал, что такой приятный парень может с годами превратиться в такого отвратительного, наглого типа? Разве что его сексуальная привлекательность осталась прежней.

Она снова посмотрела в эти стального цвета глаза, что так пристально рассматривали ее. Нет, все-таки он очень изменился. Мягкость молодости сменилась аскетичностью черт лица, все еще привлекательных и аристократичных. Он вовсе не был бесхребетным неженкой, а, наоборот, бескомпромиссным, рожденным для власти человеком. Его нетрудно было представить верхом на коне, с мечом в руках, защища-

ющим фамильную честь.

Джонас был из тех мужчин, от которых женщины теряют голову. Как она могла счесть его привлекательным, когда из него так и сочились злоба? Его почти неприкрытая агрессия держала ее в напряжении с того самого момента, как она открыла перед ним дверь. Но логика не имела ничего общего с той едва заметной дрожью, что охватила ее тело.

Равенна смело встретила его испытующий взгляд. Не важно, насколько он красив и как привык командовать людьми, она не собирается поддаваться.

– Что тебе нужно от моей матери? – Равенна откинулась на спинку кресла и положила руки на подлокотники так, словно была полностью расслаблена.

Он скользнул взглядом от ее ног к лицу, и Равенна испытала мрачное удовлетворение оттого, что смогла удивить его. Он ожидал, что она начнет расшаркиваться перед ним? Эта мысль лишь усилила ее гнев.

– Когда она вернется? – Бешенство сверкнуло в его глазах. При всем внешнем спокойствии он едва держал себя в руках.

– Если не можешь ответить вежливо, то тебе лучше уйти. – Равенна вскочила на ноги.

У нее и без того было полно дел, чтобы еще разбираться с сыном Пирса. У нее едва хватало сил противостоять ему, и последнее, что Равенне было нужно, – чтобы он это заметил. Она уже была на полпути к входной двери, когда Джонас остановил ее.

– У меня к твоей матери личный разговор.

Равенна медленно обернулась. Не важно, что у него за разговор к Сильвии, она сейчас все равно не в состоянии встретиться с ним. Она пытается приспособиться к жизни без человека, которого так сильно любила. Равенна вынуждена была защитить ее.

– Моей матери нет в Париже. Ты можешь поговорить со мной.

Он покачал головой и сделал шаг ей навстречу, сократив разделявшую их дистанцию до минимума. Равенна занервничала.

– Где она? – Это был не вопрос, а требование. – Выкладывай немедленно.

Равенна сжала кулаки так сильно, что ногти до боли впились в ладони. Его высокомерие просто взбесило ее.

– Я не твоя прислуга, – с огромным трудом ей удалось сказать это ровным голосом. Она знала, что все эти годы Сильвию мучило чувство вины из-за того, что Джонас так и не помирился с отцом. – Когда-то моя мать действительно работала в твоём доме, но не думай, что можешь заявиться сюда и раздавать приказы. Ты не имеешь надо мной никакой власти.

Гнев бился между ними с такой силой, что она чувствовала, как он пульсирует в ее груди. По крайней мере, она думала, что это гнев.

– Но у меня есть власть над твоей матерью, – обманчиво

мягко проговорил Джонас, но Равенна услышала в его голосе угрозу.

– Что ты хочешь этим сказать? – напряглась Равенна.

– Я хочу сказать, что у твоей матери серьезные неприятности.

Страх сковал горло Равенны так, что она с трудом смогла сглотнуть. Осознание едва не сбило ее с ног.

– Ты здесь не для того, чтобы помочь, верно?

Его смешок лишь подтвердил ее догадку.

– Определенно. – Он помолчал, словно смакуя момент. – Я здесь, чтобы увидеть, как она сядет в тюрьму.

Глава 2

У Равенны подкосились ноги, и комната тошнотворно закружилась перед глазами. Она вытянула руку и инстинктивно схватилась за ткань, чтобы не упасть.

Последние несколько месяцев были, пожалуй, самыми тяжелыми в ее жизни. Пределы ее выносливости подходили к концу. Она была совершенно не готова встретить такую всепоглощающую ненависть, которую увидела в глазах Джонаса Девесона. В его взгляде была непоколебимая решимость, и она пугала ее до смерти.

Равенна не могла оправиться от шока, когда поняла, что он не шутит: Джонас действительно собирается отправить ее мать в тюрьму. Горячая ладонь накрыла ее запястье, прикосновение длинных пальцев к ее ладони словно обожгло ее. Ошеломленная, Равенна посмотрела вниз и поняла, что схватила лацкан сшитого на заказ пиджака Джонаса. И сейчас он крепко держал ее за руку.

– Ты в порядке? – Искреннее беспокойство сделало его голос тягучим и низким.

Она почувствовала себя спокойнее и смогла сделать глубокий вдох. Комната перестала вращаться.

Равенна высвободила свою руку, и ей внезапно стало холодно. Она отвернулась и подошла к окну. На этот раз она скомкала в ладони золотистую штору. Ткань под ее пальца-

ми была гладкой и тяжелой.

– Равенна?

Она дернулась, вспомнив, как он называл ее по имени много лет назад. Тогда ей казалось, что ни один человек на свете не может произнести ее имя так, как это делал он. Все детство ее необычное имя было предметом насмешек и издевательств. Ее обзывали тощей вороной, а то и похуже. Она с тревогой обнаружила, что и сейчас в его устах ее имя звучит как-то по-особенному.

– Что?

– Ты в порядке? – Он подошел ближе, и Равенна напряженно выпрямила спину.

– Как ты думаешь, я могу быть в порядке, когда ты угрожаешь моей матери тюрьмой?

Равенна задумчиво посмотрела в окно. Площадь Вогезов, элегантная и симметричная, с ухоженными садами, выглядела так же, как и всегда, словно никто не может нарушить ее скромное обаяние. Но Равенна хорошо выучила суровый урок: реальная жизнь никогда не бывает статичной и безопасной. Она медленно повернулась и увидела, что Джонас с непроницаемым выражением лица внимательно наблюдает за ней.

И в чем она предположительно виновата?

– Никаких предположений. Неужели ты думаешь, что я бы приехал сюда, – его голос зазвенел от презрения, когда он обвел широким жестом гостиную, – не будь у меня на руках

неопровержимых фактов?

Сердце Равенны пропустило пару ударов. Она не могла поверить, что ее мать могла совершить нечто ужасное, но при этом она прекрасно осознавала, что только самые крайние обстоятельства могли заставить Джонаса встретиться с Сильвией Руджеро. В его глазах отчетливо читалась ненависть, когда он говорил о ней.

– Ты слишком зол, чтобы рассуждать непредвзято, – сказала Равенна, и его брови изумленно взлетели вверх. Он явно не привык к тому, что ему кто-то смеет возразить. Она сделала глубокий вдох. – Ты презирал мою мать на протяжении многих лет, а теперь считаешь, что нашел способ заставить ее заплатить за то, что она влюбилась в твоего отца.

Мгновенно вспыхнувший в его глазах огонь сказал ей, что она попала в самую точку.

– Ты решил, что сейчас, когда с ней больше нет Пирса, она станет для тебя легкой добычей? Но она не одинока, и тебе придется хорошенько это запомнить.

– Так быстро? – Его голос был полон высокомерия. – Она уже нашла себе нового защитника, который занял место Пирса? Она бьет все рекорды по скорости.

Равенна не осознавала, что делает. Она вдруг рванулась к Джонасу и увидела, как расширились его зрачки, когда ее ладонь резко приблизилась к его лицу. Джонас перехватил ее запястье и потянул вверх так, что ей пришлось встать на цыпочки, наклонившись вперед. Все ее тело словно покалы-

вало от электрического разряда. Джонас хмуро смотрел ей в глаза, словно стараясь проникнуть в самую душу. Инстинкты подсказывали Равенне, что он очень опасен, но это не имело никакого отношения к ее матери. Равенна дернулась, но он не выпустил ее руку.

Они стояли, почти касаясь друг друга, и теперь Равенна в полной мере осознала, какая мощная мужская сила скрывается под дизайнерским костюмом. Его горящий взгляд говорил о том, что он едва сдерживает себя в рамках приличий. Она сделала глубокий вдох, пытаясь унять нарастающую панику.

– Я никому не позволяю бить меня, – процедил он сквозь зубы, и Равенна ощутила на своем лице его горячее дыхание.

– А я никому не позволяю оскорблять мою мать.

Даже сейчас она отказывалась отступить. Она смотрела в эти беспощадные сверкающие глаза и чувствовала первобытный страх.

– Тогда мы зашли в тупик.

Он дернул ее к себе, или это она покачнулась в его сторону? Она с трудом удерживала равновесие, балансируя на пальцах ног.

– Тогда хватит уже играть в мачо. Отпусти меня. – Она намеренно сделала небольшую паузу. – Разве что ты хочешь мне что-то доказать.

Волна облегчения накрыла ее, когда он наконец отпустил ее. Равенна наклонила голову и потерла запястье, словно рас-

сматривая, не остались ли синяки от его хватки. Синяков не было, но он все равно напугал ее своей неумолимостью.

– Давай кое-что проясним раз и навсегда, – наконец произнесла она, глядя в аристократичное лицо Джонаса. – Моя мать любила твоего отца.

– И ты ждешь, что я в это поверю? – покачал головой Джонас, его губы скривились в издевательской усмешке. – Я давно не наивный ребенок, верящий в сказки. У нее была цель – заманить в ловушку богатого любовника, это было очевидно для всех. При любом удобном случае она демонстрировала свои прелести.

– Моя мать никогда...

– Он был намного старше, у него была семья, жена, ребенок. У него были хорошая, комфортная жизнь, уважение друзей, карьера. Ты считаешь, что такой мужчина, как мой отец, мог бы без сожалений оставить все это, не попавшись на удочку искательницы богатого покровителя?

Равенна колебалась: она знала, как много боли причинили людям Пирс и ее мать. Но преданность заставила ее спросить:

– Значит, ты не веришь в любовь?

– Любовь? – фыркнул Джонас. – Сильвия потворствовала его желаниям наиболее очевидным способом. Уверен, он любил хвастаться ею, как и другими своими вещами.

Он обвел взглядом комнату, задержавшись на Сезанне, висевшем на дальней стене. Равенна точно знала, что это ко-

пия, потому что оригинал продали еще в прошлом году. Насмешливая улыбка Джонаса без слов сказала ей, что он тоже в курсе подмены.

— А что касается ее... — Он пожал плечами. — Пирс был для нее лишь источником доходов. У них не было ничего общего, кроме безудержной любви к роскоши и отвращению к работе. Зачем ей быть экономкой, когда она могла иметь все, что захочется, просто позволив ему...

— Хватит! — резко оборвала его Равенна. Я не желаю слышать больше ни слова в подобном тоне.

— Ты уже не школьница, Равенна. — Он покачал головой. — Ты не можешь больше притворяться.

— Прекрати! — Она предостерегающе подняла руку, призывая его к тишине. — Мы никогда не добьемся согласия по этому вопросу, так что давай оставим это. Просто скажи, зачем ты приехал.

Ярость все еще кипела в крови Джонаса, и ему понадобилось какое-то время, чтобы успокоиться. Это было на него совершенно непохоже. Он всегда был хладнокровным, уравновешенным человеком даже во время самых рискованных и опасных коммерческих предприятий.

Да и в личной жизни... Он давно усвоил этот урок, наблюдая, как отец мечется от одной любовницы к другой. Он видел, как отец сперва был без ума от новой пассии, а потом его одолевала скука.

Джонас был не таким, как Пирс. Он приложил все усилия, чтобы быть максимально на него непохожим. Он был спокойным, надежным человеком. Вот только сейчас его руки дрожали от одолевающих его эмоций.

– Ну? Я жду.

Джонас обернулся на хриплый голос Равенны.

Равенна Руджеро. Он никогда бы не узнал в этой молодой женщине ту заплаканную девчонку, которую он помнил. Она была угловатым подростком с длинной косой, перевязанной лентой; тогда она казалась ему совсем еще ребенком. В то время только губы и потрясающего цвета глаза намекали на будущую привлекательность. И низкий голос, уже тогда обещавший стать хрипловатым и чувственным. Так и произошло.

Сильвия Руджеро была очень красивой женщиной. Но ее дочь, даже одетая в темную, свободного кроя одежду, затмевала ее, как безупречный алмаз затмевает дешевый страз.

В Равенне было что-то... И дело не только в ее лице, которое притягивало его, как магнит, так что ему приходилось делать над собой усилие, чтобы не смотреть на нее. Дело было в элегантности и изяществе, которые контрастировали с ее низким, чувственным голосом и воинственным поведением.

Стоя лицом к лицу с Равенной, он упивался пьянящим волнением от непосредственной близости. Было что-то очень чувственное в ее воинственной позиции, в ее взгляде,

когда она бросилась на него.

Впервые в жизни Джонас, предпочитавший планировать собственные удовольствия, задался вопросом: а что кроется за такой импульсивной, необузданной страстью? Не только гнев, но и...

– Ты меня слышишь? – Равенна щелкнула пальцами прямо перед его носом.

– Хочешь знать, что наделала твоя матушка? – Он с легкостью отогнал от себя непрошенные мысли и сфокусировался на своем гневe. – Она украла деньги. Мои деньги.

Он с удовольствием наблюдал, как расширились зрачки Равенны. Его раздражало, что она защищает свою мать, хотя они оба знали, что та из себя представляет. Как сорока, положившая глаз на блестящую безделушку, она украсила свое гнездо с помощью богатства его отца.

Джонас вспомнил тот день, когда неожиданно вернулся домой из Лондона и застал экономку в комнате своей матери, примерявшую фамильное кольцо с сапфирами перед зеркалом. Вместо того чтобы смутиться, она лишь рассмеялась, сказав, что ни одна женщина не устояла бы перед искушением примерить такую красоту. Она спокойно положила кольцо обратно на туалетный столик и как ни в чем не бывало начала взбивать подушки.

– Нет. – На этот раз низкий голос Равенны прозвучал так, словно она находилась в глубочайшем шоке. – Она бы этого не сделала.

– Серьезно? – хмыкнул он.

– Абсолютно. – Уверенность в голосе Равенны заставила его повернуться к ней. Она была бледной как мел и чертовски злой.

– Тогда как ты объяснишь тот факт, что она подделала подпись отца в чековой книжке, к которой она даже не должна была иметь доступ?

– Почему ты обвиняешь в этом мою мать?

– Ни у кого другого не могло быть доступа к чековой книжке. Пирс надежно спрятал бы ее, уж поверь мне. Уверен, если мы обыщем квартиру, то обязательно найдем ее.

– Никакого обыска не будет! Даже если книжка здесь, кто сказал, что подпись поддельная? Его почерк мог измениться, когда он заболел.

– Было бы очень удобно, правда? – Джонас покачал головой. – Но все же подпись поддельная. Иначе как ему удалось обналичить чек на следующий день после своей смерти?

– Я тебе не верю, – в ужасе прошептала Равенна.

– Мне все равно, веришь ты мне или нет, – сказал Джонас, но это было ложью. Ее слепая вера в невиновность Сильвии сводила его с ума. Возможно, потому, что сам он никогда не испытывал ничего подобного со стороны собственных родителей. Почему она так яростно защищает женщину, которая этого не заслуживает?

Пирс всю жизнь манкировал своими родительскими обязанностями, у него всегда были причины для того, чтобы не

возвращаться из Лондона домой. Что касается матери, Джонас искренне считал, что она его по-своему любила. Но она была настолько заиклена на своем разочаровании в мужчине, который женился скорее на ее наследстве, чем на ней самой, что едва ли обращала внимание на сына.

Джонас сунул руку в карман и вытащил ксерокопии чеков.
– Взгляни. – Он протянул бумаги Равенне. – Я никогда не лгу.

И действительно, в отличие от отца, всегда ловко манипулировавшего фактами ради собственной выгоды, Джонас был предельно откровенным.

Равенна судорожно сглотнула и протянула руку, чтобы взять бумаги. Она опустила взгляд и посмотрела на ксерокопии. Бумага зашелестела, словно откуда-то вдруг подул ветер, и Джонас заметил, что у нее дрожат руки. И в тот момент чувство вины затмило его мрачное самодовольство. Он понял, что выместил свою злобу на Сильвию на ее дочь.

Желудок Джонаса неприятно сжался, когда он посмотрел со стороны на свою стычку с Равенной. Даже несмотря на свою решимость заставить Сильвию заплатить за все, что она сделала, он вел себя глупо. Он наступал и требовал, в то время как можно было просто спокойно обо всем расспросить. И хуже всего то, что он был слишком занят собственными переживаниями, чтобы понять, что это станет для Равенны настоящим шоком.

– Может, присядешь? – Слова, слетавшие с его языка, бы-

ли резкими, как пули, от отвращения к себе самому.

Она ничего не ответила, просто стояла, опустив голову, и смотрела на бумаги в своих трясущихся руках. Черт! Джонас наклонился к ней, пытаясь рассмотреть выражение ее лица, но увидел лишь плотно сжатые челюсти и абсолютно пустой взгляд.

Равенна прикусила нижнюю губу, и Джонас сказал себе, что огонь, охвативший его в тот момент, – это стыд, а вовсе не возбуждение. Сама мысль о том, что женщина так легко может вывести из равновесия мужчину, всегда гордившегося своей сдержанностью, испугала его. И эта женщина – дочь той, которая погубила его мать!

– Равенна? – В его голосе звучала такая нелепая нерешительность, словно земля вот-вот разверзнется под его ногами.

Когда она подняла голову, глаза ее пылали бешеным огнем. Она отвернулась к окну.

– Ты ошибаешься. – Ее голос был жестким и напряженным. – Сильвия не делала этого.

– Перестань отрицать очевидное, Равенна, слишком поздно. У меня есть доказательства, что это подделка.

– Хорошо, это подделка. Но не факт, что это сделала Сильвия. – Она выпрямилась.

Джонас покачал головой, внезапно почувствовав страшную усталость.

– Просто скажи, где она, и я сам с ней разберусь.

– Ты не будешь с ней разбираться, потому что она не имеет к этому никакого отношения. – Равенна смело встретила его пристальный взгляд. – Это сделала я. Я взяла твои деньги.

Глава 3

Во рту у Равенны пересохло настолько, что она не могла проглотить комок, словно застрявший в горле. Но она не отвернулась. Равенна смело ответила на взгляд Джонаса. Она боялась, что, если проявит хотя бы малейшие эмоции, он ей не поверит.

Он должен ей поверить! Тогда он не сможет обвинить в краже ее мать.

Для Равенны все встало на свои места: оказывается, щедрость Пирса покрывала не только медицинские расходы, но и пребывание Равенны в дорогом швейцарском санатории. Только, похоже, это не было решением Пирса. Видимо, Сильвия решила нарушить закон, чтобы помочь своей дочери.

Сердце Равенны предательски екнуло, когда она вспомнила, как настойчиво ее мать говорила о том, что ей просто необходим отдых, чтобы восстановить силы и душевное равновесие после долгой болезни. Равенна была слишком уставшей, чтобы долго ей сопротивляться, поэтому она просто согласилась и поехала в Швейцарию.

Равенна никогда не пользовалась деньгами Пирса и поклялась вернуть ему все до последнего цента. Только приехав в парижскую квартиру, она поняла, что сумму, потраченную Пирсом и ее матерью на лечение, они вряд ли могли

себе позволить. Чувство вины накрыло Равенну с головой, когда она увидела, сколько вещей им пришлось продать. Но она ни на минуту не могла подумать, что мать готова украсть чужие деньги ради нее!

Мама, что же ты наделала?

На протяжении долгих лет Сильвия много работала, чтобы у Равенны были теплая одежда, крыша над головой и хорошая школа. Но взять то, что ей не принадлежит...

– Ты лжешь, – холодно сказал Джонас, и холодок пробежал по позвоночнику Равенны.

Равенна украдкой вытерла вспотевшие ладони о брюки и попыталась подавить подступившую к горлу тошноту.

– Я не лгу.

Она не может позволить ему узнать правду. Матери и так досталось от жизни, она не перенесет тюрьму.

Какое-то мгновение Равенна обдумывала возможность рассказать Джонасу, почему ее мать украла деньги и бросила их обеих на милость Джонаса Девесона. Вот только в нем не было ни капли милосердия. За шесть лет, что Пирс и Сильвия прожили вместе, Джонас ни разу даже не поговорил с отцом, словно в его жилах текла ледяная вода, а не кровь.

А теперь она была уверена, что в нем кипит жажда гнева. Может, в его жилах и вода, но вот в глазах явно горит огонь. Этот огонь горел с тех самых пор, как он переступил порог квартиры, презрительно осматривая обстановку, словно смерть отца его совершенно не волновала. Его ненависть

к Сильвии была настолько осязаема, что ее почти можно было потрогать руками.

Равенна обязана была защитить маму. Если Сильвия узнает, что кража раскрыта, она вернется, чтобы понести заслуженное наказание. Увидев жестокость в глазах Джонаса, она поняла, что не может позволить матери сесть в тюрьму. Конечно, она не могла игнорировать то, что совершила ее мать, но она могла понять ее поступок.

– На тебя это совсем не похоже, Равенна. – Он покачал головой. – Воровство скорее в стиле Сильвии.

Его уверенность в ней должна была успокоить Равенну, но ярость забурила в ее крови.

– Ты не имеешь ни малейшего понятия, что в нашем стиле, а что – нет, – процедила Равенна сквозь зубы.

– Я вижу людей насквозь. – Джонас саркастически поднял брови.

Именно этого Равенна и боялась: ей придется немало потрудиться, чтобы убедить его. Возможно, если бы у Сильвии была безупречная репутация, она бы вышла из здания суда с предупреждением и приговором к общественным работам.

Много лет назад, когда отец выгнал Сильвию из дому за то, что она забеременела не в браке, она воровала в магазинах, чтобы прокормить себя. Ее арестовали, но выпустили за примерное поведение. Для молодой женщины, которая до этого была абсолютно законопослушной, это был настоящий ужас. Намного позже, когда Равенне было уже около девяти

лет, Сильвию обвинили в краже в доме, в котором она тогда работала.

Равенна как сейчас помнила мертвенно-бледное растерянное лицо матери, когда полиция уводила ее из дома под пристальным взглядом нанимательницы. И не имело никакого значения, что с Сильвии были сняты все обвинения, когда дочь хозяйки задержали при попытке продать семейную реликвию. Сильвию все равно уволили, наверное, из-за того, что ее хозяйке было стыдно за то, что обвинила ни в чем не повинную женщину.

Похоже, невиновность не имеет никакого значения. Джонас заранее осудил ее. Если Сильвию посадят в тюрьму, он поднимет на свет божий всю ее биографию. Его адвокаты сделают из нее бифштекс.

Равенна не могла этого позволить, тем более что мать украла для того, чтобы спасти ее. Чувство вины переполняло ее. В каком отчаянии должна была находиться Сильвия, чтобы взять чужие деньги! Она должна была понимать, что Джонас уничтожит ее, если все узнает. Именно по этой причине Равенна должна действовать.

Она сделала шаг вперед и ткнула указательным пальцем в грудь Джонаса. Ей казалось, что нападение – лучшая защита.

– Ты не знаешь мою мать, – отчеканила она. – Ты даже не жил в Девесон-Холле, когда мы переехали туда.

– Хочешь сказать, что это ты спланировала кражу? – Джонас явно был настроен скептически. – Я так не думаю.

– Ты, – она снова ткнула его пальцем, – ничего обо мне не знаешь.

– Я бы так не сказал. – Теплые пальцы сомкнулись вокруг ее ладони, и Равенна вдруг стала не агрессором, а пленницей. – Кое-что я о тебе знаю. Я знаю, что ты ненавидела школу, особенно математику и естественные науки. Ты хотела сбежать, но не стала этого делать, потому что чувствовала себя обязанной закончить школу ради матери.

– Ты это помнишь? – Ее голос снизился до шепота. Она была уверена, что он забыл о ней на следующий день после того, как встретил.

– Тебя раздражал тот факт, что тебя заставляли играть в баскетбол только потому, что ты высокая. Насколько я помню, ты мечтала быть миниатюрной блондинкой.

Это действительно было так. Равенне трудно было оправдывать надежды матери на то, что она станет успешной в учебе, в то время как она много лет была аутсайдером среди сверстников. Она мечтала слиться с серой массой.

– И тебе не нравилось, как на тебя пялился один из садовников.

Румянец залил ее щеки. В то лето она была нескладным подростком: уже не ребенок, но еще и не взрослая девушка. Она даже не знала, чего хотела. Но она вовсе не возражала, когда Джонас осторожно убрал непослушную прядь волос с ее лица.

Равенна моргнула, возвращаясь в настоящее.

– Ты помнишь о том дне гораздо больше, чем я, – солгала Равенна.

Она успела солгать уже во второй раз за день – рекорд для нее. Может, если она продолжит в том же духе, у нее начнет получаться более убедительно? Ей показалось, или взгляд его серых глаз немного смягчился? Нет. Проще поверить, что она получила работу своей мечты в качестве шефа-кондитера в мишленовском ресторане, чем в то, что у этого человека есть сострадание.

– Ты не слишком изменилась.

– Да неужели? Ты даже не узнал меня. – Она отстранилась, но Джонас не ослабил хватку, продолжая держать ее за руку.

На какое-то мгновение ее сковал страх, пока она не напомнила себе, что он слишком горд, чтобы принуждать женщину. Его хватка была не признаком сексуального влечения, а демонстрацией власти. Но она не собиралась анализировать его поступки, у Равенны и без того было немало поводов для беспокойства.

– А вот ты очень изменился. – Ее тон явно давал понять, что это не комплимент.

В двадцать один год он был потрясающе красив, но помимо этого он был добр и терпелив. Ей он нравился, и нравился очень сильно. Но сейчас он весь словно состоял из острых углов: вспыльчивый, расчетливый, жесткий – чему тут нравиться?

– Мы здесь не для того, чтобы обсуждать меня. – Он по-

смотрел Равенне в глаза, и она стойко выдержала его взгляд.

Лучше выглядеть наглой, чем показать хотя бы намек на сомнение. И все же внутри она дрожала, как желе. Прошедшие дни сделали свое дело, когда она увидела, как горе опустошило и раздавило ее мать. Равенна отправила ее отдыхать, подальше от квартиры, в которой она жила с Пирсом. Она предложила матери свою помощь в упаковке вещей и взялась поговорить с арендодателем, но даже такие простые задачи были настоящей проверкой на выносливость для Равенны, а теперь еще это...

– Мы здесь, чтобы обсудить мои деньги. – Пальцы Джонаса сильнее сомкнулись вокруг ее запястья. – Деньги, украденные с моего счета.

Равенна поежилась от его безжалостного тона. Каким же будет наказание?

Джонас почувствовал, как ее рука задергалась в его ладони. Признак вины или доказательство того, что она лгала ему?

Ее янтарные глаза казались просто огромными на тонком бледном лице, что придавало ей какую-то хрупкость, несмотря на довольно-таки воинственный вид. Джонас был недостаточно сентиментальным, чтобы чья-то внешность повлияла на его решение. Тем не менее он колебался.

Ему не хотелось верить в виновность Равенны. Гораздо легче было поверить, что эту аферу организовала хищница

Сильвия. После многих лет жесточайшего контроля над собственными эмоциями он практически наслаждался всплеском ярости, которую вызывала в нем любовница отца.

Но больше всего Джонаса беспокоило то, что он не хотел верить в виновность Равенны, потому что помнил ее искренность и честность много лет назад. Джонас поджал губы. Кто бы мог подумать, что у него до сих пор могут оставаться иллюзии, которые ему не хочется рушить? Он слишком долго вращался в беспощадном мире бизнеса, чтобы верить в человеческую честность.

– Значит, это ты подписала чеки?

И снова он ощутил, как напряглась ее рука. Он ладонью почувствовал, как участился ее пульс, и ему захотелось нежно провести пальцами по ее запястью, но он тут же оттолкнул от себя эту мысль.

Она молча кивнула.

– Как ты получила доступ к чековой книжке? Ты жила с Пирсом и Сильвией?

– Нет. – Взгляд Равенны метнулся в сторону, и инстинкт подсказал Джонасу, что она что-то скрывает. – Но я часто к ним приезжала. Мы с мамой всегда были близки.

Это, по крайней мере, было правдой. Он вспомнил, какой несчастной была Равенна в подростковом возрасте, но не только из-за ненависти к школе и злобным девчонкам, превращавшим ее жизнь в ад. Она не хотела разочаровывать свою мать.

– Ты делаешь мне больно!

Джонас ослабил хватку, но не отпустил ее. Он был полон решимости разобраться во всем.

– Зачем тебе понадобились деньги?

Равенна удивленно изогнула одну бровь и наклонила голову, внимательно рассматривая Джонаса.

– Ты что, шутишь?

В ее голосе была та беспечная скука, которую он так часто слышал из уст богатых молодых женщин, не проработавших в своей жизни ни дня. Вот только в ее голосе чувствовалась какая-то фальшь.

Джонас притянул ее ближе к себе, пока их тела не соприкоснулись. Он почувствовал, как напряглась Равенна. Хорошо! Ему хотелось вывести ее из равновесия.

– Надо же девушке на что-то жить! – На этот раз в ее голосе звучало что-то похожее на отчаяние. – У меня были... расходы.

– Какие расходы? Даже покупки в лучших парижских домах моды не могут потянуть на эту сумму.

– Ну, много всего. – Ее взгляд скользнул в сторону.

– Наркотики?

Равенна покачала головой, а потом пожала плечами:

– Долги.

– Азартные игры?

– Что за допрос? Я же призналась, что взяла твои деньги! Это все, что имеет значение. – Она посмотрела ему в глаза, и

горячая волна прошла сквозь тело Джонаса. Это ошеломило его.

Как мог один простой взгляд так повлиять на него? И ведь это было отнюдь не горячее приглашение, а угрюмый, воинственный взгляд, который чертовски раздражал его. И все же он чувствовал жар внизу живота, наклоняясь к ней ближе и вдыхая тонкий аромат корицы, исходивший от Равенны.

Этого просто не может быть!

Он просто отказывается чувствовать что-то по отношению к женщине, которая обокрала его! Тем более что это дочь Сильвии Руджеро. Эта мысль отрезвила его получше холодного душа.

– Зачем тебе красть, если Пирс с удовольствием потакал любым капризам такой молодой и привлекательной женщины, как ты? – Он намеренно выбирал каждое слово. – Уверен, он ни в чем тебе не отказывал.

– Ты просто извращенец. Пирс был с моей матерью, и он никогда не испытывал ко мне никакого интереса, – с отвращением проговорила она.

– Насколько я помню, разница в возрасте никогда его не смущала.

Равенна дернула руку, чтобы высвободиться, но Джонас не играл: свободной рукой он притянул ее к себе за талию. Он уверял самого себя, что сделал это только для того, чтобы успокоить ее. И это сработало. Сдавленно вздохнув, Равенна замерла.

– Судишь по себе, Джонас? В ее голосе звучала явная насмешка.

Он едва сдержался, чтобы не ответить на колкость. В отличие от отца он никогда не был падок на красивые мордашки. Конечно, он ценил женскую красоту, но всегда был верен женщинам, с которыми его связывали отношения.

Когда он женится, то не станет заводить интрижки на стороне, не будет никаких шушуканий и сплетен за спиной, понимающих взглядов, смущающих его семью. Он никому не причинит той боли, от которой по вине Пирса страдала его мать.

Джонас пристально посмотрел на женщину, сумевшую надавить на те эмоции, которые он старательно прятал в течение многих лет. За одну короткую стычку она смогла пробить брешь в его самоконтроле.

Он хотел заставить ее замолчать, вонзиться своими губами в эти губы, выпустить гнев с помощью страсти и этой трепещущей в его руках женщины.

Она так остро реагировала на его прикосновения, несмотря на воинственный взгляд, что это превращало его шальную мысль в чертовски заманчивую идею. Равенна может ненавидеть его за то, что он заставил ее посмотреть правде в глаза, но она явно испытывала к нему не только ненависть.

– Я выбираю женщин очень тщательно, Равенна, – проговорил он низким голосом. И я никогда не возьму то, что женщина не предлагает мне по собственному желанию.

Он с удовольствием прочел понимание в ее глазах, заметил, как участилось ее дыхание, как залил щеки румянец, как она провела кончиком языка по нижней губе. Явные признаки сексуального возбуждения.

– Правда? – Ее дрогнувший голос не обманул его. – Тогда запомни хорошенько: я ничего тебе не предлагаю!

Джонас боролся с желанием поцеловать ее, когда вдруг осознал, что сам едва не попал под чары женщин Руджеро.

– Неужели? – пробормотал он.

Джонас был уверен, что Равенна готова пустить в ход любое оружие, лишь бы помешать его мести. Неужели она решила сделать его такой же легкой добычей, какой сделала ее мать Пирса?

Это осознание внезапно отрезвило его. И все же он не мог отступить. Он попал в ловушку желания столь сильного, какого он еще не испытывал ни к одной женщине. И это приводило его в бешенство куда сильнее, чем украденные деньги. Джонас был охвачен ядовитой смесью вожделения и отвращения к собственной слабости.

Он провел кончиками пальцев вдоль ее спины. Она не пошевелилась, твердо встретив его взгляд. Она считала себя невосприимчивой к его явной провокации или считала, что он не осмелится бросить ей вызов? Его пальцы коснулись ее высокой груди, он накрыл ее ладонью и почувствовал ее напрягшийся сосок. Возбуждение опалило его, как огнем, словно электрический разряд прошел сквозь его тело.

Равенна стояла абсолютно неподвижно, ее глаза распахнулись от удивления, а потом веки медленно опустились, словно приглашая его продолжать. С тихим вздохом приоткрылись ее губы.

– Скажи, если хочешь, чтобы я остановился, – и я останавлиюсь.

Равенна ничего не сказала. Он был готов ответить на ее невысказанное приглашение. Все его тело изнывало от желания, и он был уверен, что она хочет того же, об этом ему без слов говорили ее дрожащие руки.

Но, кажется, история повторяется. Воровка считает, что Джонас думает тем, что находится у него в штанах, как и его отец. Джонас не мог позволить Равенне наслаждаться иллюзией триумфа, он был слишком горд для этого.

Он нежно сжал ее грудь, ровно настолько, чтобы вызвать дрожь возбуждения в ее тонком, изящном теле и хриплый вздох. Кровь мгновенно прилила к паху, когда он услышал его, но он старался подавить реакцию своего тела.

– Тебе ведь нравится, Равенна?

Она приоткрыла словно остекленевшие глаза. Равенна судорожно сглотнула, и Джонас обратил внимание на ее бледную длинную шею со свободно болтающимся воротником. Равенна вдруг показалась ему такой хрупкой, и это шло в противоречие с той энергией, которая бурлила внутри ее.

Джонас наклонился и почувствовал тонкий аромат корицы и ее собственного запаха, прижавшись губами к месту,

где ее шея переходила в ключицу. Равенна вздрогнула и уперла ладонь ему в грудь, словно сопротивляясь.

– Нет. Пожалуйста, я... – Слова сорвались с ее губ, когда он коснулся языком ее нежной кожи.

Джонас продолжал жадно целовать ее шею, она просто сводила его с ума. Запах, вкус, шелковистость ее кожи заглушали голос разума, и он словно растворился в этом волшебном мгновении. Ему еще не встречались женщины, способные свести его с ума с такой легкостью.

Равенна обхватила рукой его шею, и Джонас крепко прижал ее к себе, наслаждаясь податливостью ее тела. Он провел языком у нее за ухом, и колени у нее подогнулись.

Ее отклик возбуждал его настолько, что это затмевало все остальное. Кровь закипела в его жилах, внимание рассредоточилось, единственной мыслью было как можно скорее перевести Равенну в горизонтальное положение. Джонас слегка прикусил мочку ее уха, и Равенна дернулась от остроты ощущений.

Она повернула голову к нему, ища поцелуя, и Джонас приник к ее губам. Он не собирался отпускать ее до тех пор, пока не насытится ею. В ушах у него уже звенело от почти невыносимого возбуждения, когда он впивался губами в ее губы. Глаза Равенны были широко распахнуты, и в них он увидел... страх.

Джонас нахмурился. Она хотела его, он точно это знал. Он чувствовал это каждой клеточкой своего тела, и все же...

Он снова услышал звон в ушах, но на этот раз звук исходил откуда-то извне: это был звонок в дверь.

– Отпусти меня. – Ее голос был настолько охрипшим, что Джонас едва расслышал ее.

Джонас моргнул, пытаясь понять причину столь резкой смены настроения. Равенна оттолкнула его.

– Я сказала, пусти меня!

Ее взгляд скользнул в сторону, словно она не могла смотреть ему в глаза. Потому что он заставил ее забыть об игре в искусительницу? Потому что она сама пала жертвой неожиданно вспыхнувшего желания?

Джонас разозлился на себя. Несмотря на свой хваленый иммунитет к женским уловкам, он мгновенно купился на то, что она предлагала. Точно так же, как и его отец когда-то. Он отпустил Равенну так быстро, что она покачнулась, и ему пришлось предложить ей руку, чтобы она не упала.

– Тебя спас звонок, – пробормотал он и с удовольствием заметил, как порозовели ее щеки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.